ЗА ЧТО БОРЕТСЯ КРАСНАЯ АРМИЯ

РЕЧЬ

т. Г. Зиновьева

на конференции красноармейцев 30 июля 1919 года

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД, 1919

КАТАЛОГ КНИГ

ИЗДАТЕЛЬСТВА И КНИЖНОГО СКЛАДА ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ.

Смольный, 2-й этаж, комната 51, телефон—34, контора—комната 54.
Книжный магазин—Пр. 25 октября, 116.

Вышли из печати:	Цена. Р.	К.
Алексеев и Варлен. «Две речи»	—	70
Арну. «Мертвецы коммуны»	—	45
Его-же. «Народная история Парижской Коммуны»	7	50
Артамонов. «Земля родная«. Стихотворения	6	50
Афиногенов (Степной), Н. «Записки ополченца». Разошлось	1	25
Бакс. «Великая французская революция»	—	—
Его-же. «Парижская коммуна»	1	75
Барбюс. «В огне». Дневник полувзвода. Перев. Арденина. 1-е и 2-е издания разошлись. Печатается 3-е издание	10	—
Басов-Верхоянцев. «Венок». Сказки	5	—
Бебель, А. «Интеллигенция и социализм».	1	25
Его-же. «Из моей жизни». Мемуары, т. I	4	20
Его-же. » » » » т. II, ч. I	7	50
Его-же. «Христианство и социализм»	—	50
Безсалько. «Алмазы востока». Сказки с иллюстрациями	8	—
Белами. «Равенство».	—	—
Бернштейн. «Фердинанд Лассаль». Биограф. очерк.	7	—
Блосс, В. «История французской революции»	16	—
Богданов. «Красная звезда»	2	60
Его-же. «Инженер Мэнни»	7	—
Браке. «Долой социал-демократов»	1	—
Браун, Лилли. «Роман моей жизни», т. I	—	—
Ее-же. » » » т. II	—	—
Брусянин. «В борьбе за труд»	3	—
Бухарин. «Программа коммунистов»	1	75
Его-же. «Долой международных разбойников». Разошлось. Печат. 2-е изд.	—	40
Его-же. «Классовая борьба и революция в России»	1	80
Быстрянский. «Империализм»	—	35
Его-же. «Армия империализма и армия революции. Война империалистическая и война революционная»	2	—

ЗА ЧТО БОРЕТСЯ КРАСНАЯ АРМИЯ

РЕЧЬ

т. Г. Зиновьева

на конференции красноармейцев 30 июля 1919 года

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД, 1919

Оглянемся назад.

Чтобы уяснить наше положение, оглянемся несколько назад. В гарнизоне громадное число крестьян. Есть такие, которые неграмотны—не по своей вине, а потому, что царь, дворянство помещики, буржуазия нарочно сто лет держали в темноте наш народ; не позволяли ему учиться грамоте, потому что легче сидеть у неграмотного на спине. Может быть, иные из крестьян в первый раз попали на многолюдную конференцию, и для них вопросы, более ясные для передовых крестьян и рабочих, недостаточно ясны. И вот для того, чтобы взглянуть открытыми глазами на Божий мир и понять то, что происходит, надо настоящее сравнить с происходившим в России еще всего только два, два с половиною года тому назад с тем, что было у нас до февраля 1917 года.

На шее у русского народа.

Теперь это уже кажется таким далеким, прошлым! За эти тридцать месяцев наш народ так много пережил, так много перестрадал, что кажется, сто лет прошло с тех пор, как мы скинули царя! А ведь, товарищи, не прошло еще и трех лет.

Не забудем, что тогда у нас, в России, было 130.000 помещиков на 200 миллионов населения. И этим 130.000 помещиков, как всем вам известно, принадлежало девять десятых земель, а полутораста миллионам крестьян приходилось ютиться на маленьких полосках земли, переживая страшнейшую земельную тесноту. Справедливо сказал наш великий писатель Л. Н. Толстой, что русскому крестьянину при царе так было тесно на своей земле, так мало у него земли было, что курицу — и ту выпустить было некуда.

Вы знаете так же, что фабрикантов, банкиров и городских капиталистов было еще меньше, чем 130.000: их было во всей России, вероятно, самое большее, может быть, 30.000!

И такая маленькая кучка управляла всей нашей необ'ятной Россией! Если собрать всех помещиков и в придачу взять городских капиталистов, какие были при царе во всей России, то их оказалось бы, примерно, столько же, сколько гарнизона у нас в одном Петрограде и в Москве!

А между тем, как вы знаете, они, помощью самых хитрых, дьявольских сплетений, опираясь на попа, на черносотенную Государственную Думу, опираясь на нашу темноту — умели держать вожжи в своих руках и дергали Россию в разные стороны, как им того хотелось.

Триста слишком лет просидела царская монархия на шее России. И может быть, просидела бы и еще не один десяток лет, если бы она не стала воевать.

Не даром говорят: кого бог хочет погубить, у того он отнимает разум. Так было и с русским царем и с русскими помещиками. И не с ними одними, а также с помещиками и с капиталистами других стран. Они лишились разума. Они могли бы продержаться, пожалуй, еще пятьдесят лет на спинах рабочих и крестьян. Но они перегрызлись друг с другом и зажгли войну в 1914 году.

Всеевропейское кладбище.

Эта война, в сущности говоря, еще не вполне закончилась. Еще на-днях вы могли читать, что французы с итальянцами в городе Фиуме передрались, и там было несколько сот убитых. Еще позавчера вы читали, что греки и турки продолжают драться, и там тоже сотни убитых. Война, начатая в 1914 году, заканчивается только на наших глазах. Но она тянулась пять лет, и трудно себе представить, каких жертв потребовало это величайшее из всех преступлений, когда либо совершившихся на земле.

Буржуи, конечно, скрывают плоды своих кровавых махинаций. Они не хотят сказать точно, сколько именно рабочих и крестьян они уложили за эти пять лет. Но все таки даже те цифры, какие они называют, показывают, как опустошена ими Европа и как сокращено ее народонаселение... Не менее

20 миллионов рабочих и крестьян истреблено, искалечено страшною пятилетнею войной.

Легко вымолвить 20 миллионов; но что такое на деле 20 миллионов?! В Петрограде около миллиона жителей, считая женщин и детей. Большой ведь город. Но надо двадцать миллионов. Значит, 20 таких городов, как Петроград, вырезано целиком, считая не только мужчин, но и женщин и детей. Представьте себе это громадное кладбище. А много ли таких городов в Европе, как Петроград? Двадцати не наберется.

Кроме того, ужасы войны выразились не только в человеческих жертвах; война не только—убийство, но и целая туча других бедствий. Вот у нас теперь голод. Своя рубашка ближе к телу, и мы, конечно, заботимся прежде всего о самих себе и думаем о том, что у нас кушать нечего. Но взрослый человек обязан взглянуть на то, что делается не только у него под носом, но и во всем мире. Голод—повсюду. Во всей Европе народ голодает и местами даже больше, чем в нашей трижды голодной России.

Почему? Да понятно почему! Пять лет истребляли людей вместо того, чтобы обработывать землю; двадцать миллионов зарезали самого молодого, рабочего народа; миллионы лошадей отобрали у крестьян и частью перебили, частью с'ели; на это же употребили весь остальной домашний скот; фабрики и заводы повсюду должны были выделывать не плуги, не гвозди, не подковы, а гранаты, снаряды, патроны; вся умственная энергия специалистов была устремлена на изобретение орудий и средств истребления и разрушения; громадные снаряды, придуманные империалистами, каждый раз, взрываясь, пускали на воздух целое состояние—потому что бывали снаряды, которые стоили несколько миллионов рублей.—И этим пусканием миллионов в трубу, в воздух занимались не пять дней, не пять недель, не пять месяцев, а пять лет.

И понятно теперь, что весь мир стоит, как нищий, в рубище, полураздетый, полуразутый, голодный, озлобленный, истощенный, ищущий выхода из этого кромешного ада, из этого всеевропейского кладбища, из этой зловещей колоссальной могилы, вырытой лопатою обезумевшей буржуазии.

Почему мы раньше других народов проснулись и прозрели.

Русскому народу удалось скинуть своих угнетателей раньше, чем другим народам. Мы скинули царя, как вы знаете, в феврале 1917 года. Почему раньше, чем в других странах? Не потому, что мы какие нибудь особенные, а потому, что гнет у нас был особенно подлый, особенно низкий; у нас хозяйничали такие люди, как Распутин; вокруг царской шайки собирались такие банды, такой смрад стоял от их распутства, что вонь доносилась до каждого рабочего и крестьянина. У нас генералы могли проигрывать в карты целые уезды в одну ночь; нигде земельный гнет не был так невыносим, как у нас; царские генералы, тогда управлявшие нашей армией, были бездарны, беспутны. Достаточно вспомнить только Мазурские болота, где «талантливый» царский генерал в течение двух дней ухитрился утопить две армии: около 400.000 солдат рабочих и крестьян! Было это ужасно, а в царской ставке по этому поводу не очень беспокоились. Говорили: разве мужичья мало? На 400.000 меньше, эка беда! Собирались же высылать крестьян в Сибирь, в пустынные места, чтобы в России земельную тесноту разредить; не все ли равно, в далекую Сибирь или на тот свет! Переслать на тот свет несколько сот тысяч крестьян в два дня, пожалуй, даже легче,—да и легче станет царским генералам угнетать Россию, как народа убавится...

Вот почему переворот у нас в России произошел раньше, чем в других странах.

В царстве теней.

Но, товарищи, мы прогнали царя, а несколько месяцев все оставалось по старому; старая война продолжалась, земля оставалась у старых помещиков; старые генералы все также сидели на местах.

Нынешнее военное собрание напоминает мне собрание в этих же стенах в мае 1917 года, уже три месяца после того, как сбросили царя. Был первый с'езд фронтовиков всех армий.

Собрались, и зал был так же полон, как сегодня. Я помню, кто тогда выступал перед фронтовиками. Передо мною выступал тогда военный министр—известный фабрикант, помещик и банкир, богатейший миллионер Александр Иванович Гучков, известный по японской войне. Обратился он к собранию со словом «товарищи», говорил от имени «новой России», и часть его слушала.

Как посмотришь на сегодняшнее собрание, то невольно подумаешь, что, однако, далеко мы шагнули вперед. Все-таки теперь эти помещики, капиталисты, эти старые тени, эти мертвецы, эти Гучковы уже не вылезут на таком собрании. Я хотел бы Гучкова видеть здесь сегодня!..

Слава Богу, эти люди отошли в царство теней. Гучков находится, не могу сказать точно где, вероятнее всего—в Константинополе. Кстати, Константинополь Гучков и компания и собирались, как вы знаете, захватить. Из-за этого они уложили несколько миллионов крестьян. Теперь они под покровительством тамошних султанов, у которых так же пятки уже хорошо смазаны жиром, чтобы удобнее было утекать от собственного народа. Вот где генералы эти!

Догорающие огни.

Я вспомнил об этом времени, чтобы вам показать, как тяжело, каким горьким опытом шло наше движение вперед, какие ошибки приходилось переживать, пока не только передовики, а и рядовые миллионы рабочих и крестьян на своих собственных ошибках научились делать великое общественное дело.

Сначала, когда мы прогнали царя, все вздохнули. Камень упал с сердца. Мы, как дети, поверили, что наступает счастливая жизнь, что самое тяжелое осталось позади, что постылую войну мы кончим, земля перейдет к крестьянам и т. д.

Так думали в мае 1917 года на всероссийском с'езде фронтовиков. Но что оказалось в действительности? Оказалось, что убрали одного царя, а вместо него выросли сотни новых царьков.

Те же самые Керенские, Гучковы и другие заставили нас еще восемь месяцев, после царя, вести старую, опостылую, никому не нужную войну. Повторяю, ненавистную, постылую войну!

Во имя чего велась она? Может быть, недавно были еще темные люди или просто дурни, которые не понимали, из-за чего шла война. Им говорили, что это война за свободу, за Россию, за маленькие народы, за освобожденную Польшу, Сербию и т. д.—и они верили. Но теперь, товарищи, война кончилась, спектакль разыгран до конца, догорели огни, облетели цветы. Остались только эти догорающие, потухающие и еще воняющие и посейчас огни, возженные буржуазией. Она заключает свой мир...

Нагишом перед всеми народами.

Покровы сорваны, и теперь буржуазия стоит нагишом перед всеми народами. И кто же теперь не видит, из-за чего шла война пять лет? Заключен договор в Париже. А много ли там сказано о свободе каких бы то ни было народов, много ли освободили сербов, поляков, много ли французы дали воли и каким именно народам? Каждому уже ясно, что это была просто банда шарлатанов, игравших на нашей темноте.

Что в самом деле они решали на своем мирном конгрессе в Париже? Они делили и кромсали народы. Взяли ножи и резали и режут, как разбойники на большой дороге. Терзают свои жертвы, меняются целыми странами, как меняются цыгане лошадьми, торгуют миллионами людей... Вот к чему свелась война «за свободу», вот чем она кончается! Каждому сколько нибудь сметливому крестьянину это уже ясно. Но, товарищи, долгое время понадобилось, пока это ясное стало ясным не только нам, но и французским крестьянам и немецким.

Французские капиталисты выиграли.

Французские крестьяне грамотнее, чем наши, но все-таки их пять лет держали впотьмах и заставляли думать, будто бы они воюют ради своей выгоды. Всю Францию разорили до нитки, французские деревни обезлюдели, там редко встретите здорового взрослого крестьянина, остались только старики и старухи, там вырезали всю крестьянскую молодежь... Франция ведь крестьянская страна. А все-таки, до поры до времени, люди шли, сражались, воевали и думали, что воюют за свою Францию.

Франция теперь считает, что она победила; Франция наступила на горло всем. А много ли выиграл французский крестьянин? Стало ли у него больше земли? Отнял ли он у французских помещиков хоть одну лошадь, один дворец, амбар, дом? Нет! А французские помещики приумножили свои богатства, свои амбары, усадьбы, свои дома, виноградники. Богатства попрежнему остались в руках помещиков и капиталистов!

Наши „учителя".

Долгим тяжелым опытом должны были мы изживать свои собственные ошибки и учиться на них. Набьешь себе шишку на лбу и только тогда начнешь рассуждать и понимать, что произошло. Но можно сказать, мы, действительно, скоро эту школу прошли. И что греха таить, у нас были хорошие учителя. После падения царя недолго терпели мы царьков, разных Керенских, Гучковых и других. Прошли мы школу в восемь месяцев, скоро. Учителями же были генерал Корнилов, Алексеев, Милюков, Гучков и иже с ними—вся банда фабрикантов и помещиков. Хорошие, хорошие учителя!

Товарищи, когда генерал Корнилов уже после царя стал истреблять целые полки и еще хвастался этим и истреблял только за то, что они требовали установления товарищеских отношений в армии и не хотели подчиняться старым царским

генералам,—тогда многие многому научились и многие намотали себе на ус. Генералы хотели войны «до конца»—неизвестно за что, за Константинополь, за Галицию... А рабочие и крестьяне учились.

И опять я вспоминаю дни с'езда в 1917 г., когда Гучков нападал на нас, и сначала нас не хотели слушать. Помню, я смиренно спросил: а сказал ли он, военный министр Гучков, собравшимся солдатам, какие договоры заключены с английским и французским правительством и нельзя ли прочитать эти договоры солдатам, чтобы они могли знать, из-за чего ведется война. Тут он, хитроумный дипломат, начал говорить о чем угодно—о погоде, о своей любви к солдатам, о том, как великолепно живется русскому крестьянину. Но о договорах упомянул вскользь, что он не может их прочитать—что они не касаются солдат, не их ума это дело и т. д. Он помог мне на с'езде более, чем кто бы то ни было...

У нас теперь первое в истории такое правительство, которое каждый договор, если бы его заключило, опубликовало бы не только на всех собраниях, но расклеило бы на всех столбах в каждом городе.

Нам нечего прятать от нашей армии. Старому правительству Керенского было что прятать. И как только солдаты это увидели, то быстро поняли обман.

Мы не хотели войны, но белые зажгли ее внутри страны.

Спустя восемь месяцев, в октябре 1917 г., власть этих господ мы опрокинули. Мы низложили не только царя, но и всех буржуазных царьков. Мы низвергли не только царских генералов, но и Керенского и всю банду, которая играла на темноте народа. И вы знаете, что прежде всего нашим правительством было предложено всем народам заключить мир. А во вторых, нами издан был закон о том, чтобы все земли перешли от помещиков к крестьянам. Никакой войны мы не хотели, мы хотели мира. Мы выпустили даже генерала

Краснова, который был в наших руках, освободили всех министров; мы были настолько наивны, что полагали, что раз народ сказал своё слово, эта шайка уже не посмеет сопротивляться ему, этому миллионному властелину. Оказалось, что шайка посмела. Она воспользовалась нашей слабостью, начала организовывать свои офицерские отряды, продаваться сначала немцам, потом французам, потом японцам, потом финским буржуям. Окопалась в Финляндии, Эстляндии, в Сибири, а в прошлом году на Волге. Она собрала офицерство, маменькиных сынков, тех, которые, когда дело шло о борьбе с японцами и немцами, прятались в штабах. Теперь они решили воевать... О, если бы русские офицеры во время русско-японской и немецкой войны сражались так же, как сражаются теперь против русских рабочих и крестьян, тогда, товарищи, Россию не победил бы никто. Но в то время они занимались пьянством, развратом, отсиживались в штабах, гнали на убой крестьян, они были сыты и богаты у себя дома, им не из-за чего было стараться. А когда мы сорвали с них гнусные золотые погоны, когда мы отобрали от них землю не на словах, а на деле, и отдали ее крестьянам, когда их дворцы перешли к крестьянам, поливавшим потом и кровью каждую десятину земли десятки и сотни лет, когда мы отняли у них ключи от банков и отдали рабочим, когда мы отобрали от них фабрики и заводы и стали создавать свою не шуточную, а серьезную рабоче-крестьянскую армию для борьбы против них,—тогда, о тогда и в них проснулся зверь. Они сказали: не сдадимся, будем драться, царапаться, кусаться, будем изменять, будем продавать Россию оптом и в розницу всякому, что покупает, пойдем на все, но вонзим нож в спину своему собственному народу!

«Долой войну».

И, товарищи, так открылась вот эта тяжелая война, которую мы переживаем сейчас. У многих из вас в казармах очень часто являются тяжелые мысли. К вам приходят и говорят вам: помилуй бог, чего требовали большевики два года

тому назад? Кричали: «долой войну». Это главное их требование было. И вдруг теперь они же вас мобилизуют, они же заставляют воевать, они же вас посылают на многочисленные фронты, они требуют дисциплины, обучения военному делу, требуют продолжения войны; должно быть, они изменили народу, должно быть, тут какой-то обман! — Так говорят вам разные переодетые царские офицеры и генералы.

Бывает война и война.

Мне кажется, что только самый темный человек может поддаться на такую нехитрую удочку с такой плоской приманкой.

Бывает война и война. Разве крестьяне были когда нибудь против войны с помещиками? Никогда! Я уверен в этом.

В 1906 году, 13 лет тому назад, собирали первую черносотенную Думу в этом зале. И в Думе было около сотни крестьян, которых считали правыми; их больше выбирали помещики, чем крестьяне, такой был избирательный закон. Но все-таки они были крестьяне. И когда на трибуну в этой первой Думе стали выходить так называемые правые крестьяне и говорить о земле, то в действительности, товарищи, более революционных речей нельзя было тогда и желать, хотя и произносились они правыми крестьянами. Почему? Потому что и в правом крестьянине жила мысль о том, что земля должна перейти к народу. Мысль эта зрела в нем десятилетиями, он всосал ее с молоком матери, она перешла к нему от отцов и дедов, которые, будучи еще крепостными, лелеяли надежду: когда нибудь добраться до горла помещика, задушить его и отобрать от него свою землю. Каждый русский крестьянин, влюбленный в землю, которую он орошал своим потом, носил в себе эту мысль.

И что же, даже этот правый крестьянин—разве он был против войны с помещиками? Он был *за* войну с помещиками, он был *за* войну с земскими начальниками, которые его угнетали, с урядниками, которые защищали помещиков, он в душе был *за* такую войну! Но его беда заключалась в том, что его заставляли вести *другую войну*. Помещики мобилизовали его

и гнали на убой в Германию, в Японию, под Львов, заставляли его драться из-за Константинополя. Вместо того, чтобы воевать против своего помещика, он принужден был воевать против немецкого или японского крестьянина.

Вот почему я говорю, что есть война и война.

Белая кость.

Неужели кто-нибудь из вас способен серьезно представить себе, что землю, сотни миллионов десятин, поднесет нам помещик в виде гостинца и скажет: дорогой крестьянин, возьми себе землю, которою я пользовался 300 лет, я больше не буду жить в своей усадьбе, живи ты, владей моим скотом и вишневыми садами, бери дворянские гнезда, конные заводы, сахарные фабрики, плантации—все, одним словом, то, что мы у них отбираем и отберем, во что бы то ни стало, и удержим, несмотря на все, что происходит!

Конечно, было бы крайне смешно надеяться на то, что это может быть поднесено на блюде. Таких чудес не бывает. Если бы все помещики были ангелы, и то трудно было бы ждать от них такой доброты. Но вы знаете помещиков! Их описывал Толстой и другие писатели. Вы их видели живьем; хотя на расстоянии, но достаточно наглядно; иногда пухлая ручка помещика гуляла не по одной, как они изволили выражаться, «морде» крестьянина; вы видели этих господ! Я на-днях развернул книгу Л. Н. Толстого, и мне бросился в глаза рисунок из романа «Воскресение», где изображены за столом старые, родовитые, сановные дворяне, помещики и генералы, которые сидят и едят. Жаль, что эту картинку мы не можем показать всему народу, чтобы вспомнить старое, вспомнить эти лица обжор, культурных дикарей, которые за одним обедом проедали то, что крестьянской семье хватило бы на пять лет жизни. Они утопали в шампанском, в жратве, в безумной роскоши до того, что теряли образ человека. И это называлось белой костью, это было «первое сословие» в России, не шутите!

Вот для чего и для кого мы должны были воевать и вот кому приносить миллионы жертв!

Понадобилась борьба.

Так вот, товарищи, это славное «первое сословие» обжор и тупоумных, мстительных и кровожадных мордобойц совсем не было похоже на ангелов, а больше на злодеев с большой дороги. И, конечно, у них что-нибудь вырвать из горла можно было только вооруженной рукой. Смешно было бы надеяться, что они добровольно уступят что-нибудь. Понадобилась борьба, а борьба—серьезная вещь. Мы пережили то время, когда приходилось вести борьбу вилами, топорами или ножом. Если бороться с сильным врагом, то нужно бороться организованно. А для этого надо иметь организованную армию, с определенной дисциплиной, с определенным родом оружия. Нам и пришлось эту армию создавать.

Первое слово советского правительства было: «демобилизация». Мы сказали: «распустить армию». И армия была распущена. Лошадей, которые были в армии, мы роздали по деревням. Мы хотели, чтобы борьба была кончена. Борьба не была кончена, она только началась.

Когда помещики увидели, что не шутят с ними, а действительно отбирают у них землю, они поставили штык в порядок дня. Они стали наскоро создавать *свою* белую помещичью армию и заставляли нас создавать свою. Вот почему теперь только слуга помещиков, слуга этих обжор, обрисованных Толстым, только слуга этих бандитов может приходить в казармы и говорить: «видишь, опять вышла война; разве ты за войну? Долой войну!»

Из ста крестьян-середняков, не только бедняков, если они будут знать всю правду, если они не будут окончательно темные, забитые люди, если они услышат наш голос,—из ста этих крестьян, спрошенных нами: ты за войну или против войны *с помещиками?* девяносто из ста ответят: *мы за войну против помещиков и капиталистов, мы против их возвращения...*

— 1 —

Бородатый дипломат хитрит.

Иной деревенский кулак между прочим так рассуждает: землю мы отобрали, от большевиков получили все, что можно было, керенок тоже накопили несколько мешков, а то и несколько подушек. Местами кулаки делают матрацы из керенок. Так, дескать, не пора ли за ум взяться: давай-ка перехитрю я всех! И вот такой-то, у которого матрац из керенок, принимается хитрить. «Землю я получил, матрац могу распороть, половину керенок вынуть да и купить у бывшего помещика эту землю, да сделать купчую, оно будет надежнее; половину отдам, а другая половина мне останется; и воевать не придется; помещик сам со мной поладит. И выйдет так, что и волки будут сыты и козы целы».

Но на всякого мудреца довольно простоты.

Бородатые дипломаты останутся в дураках. Помещику тоже пальца в рот не клади. Он не глупее доморощенного дипломата с бородой. Он охотно возьмет половину матраца с керенками, вернется к себе, подождет, пока мы распустим красную армию (если бы дело пошло так), соберется с силами, к нему подойдет помощь английских и французских буржуев, он получше вооружит своих офицеров, и тогда поговорит с нашим доморощенным дипломатом так, что тот будет помнить до новых веников! Отнимет не только вторую половину его керенок, не только всю землю, а еще заставит его воевать за помещичьи интересы, будет его сечь и полосовать!

У вас есть достаточно опыта хотя бы в одной Петроградской губернии. Помещика приходится теперь благодарить—тоже оказался хорошим «учителем». Он не может сразу показать карт, он вынужден притворяться: он говорит, что не отбирает землю у крестьян, а, видите ли, «освобождает» нашу страну! Это на словах. Ну, а на деле? Пришел помещик в Петроградскую губернию—и не успел добраться до Гатчины, как моментально стал отбирать земли у крестьян.

Мой однофамилец—Зиновьев.

Я был в деревне Капорье. Там жил помещик, носивший фамилию случайно, что и я: Зиновьев. Он бывший губернатор. Как только деревню захватили белые, откуда-то вырос, словно из-под земли, губернатор со своей челядью. И моментально вернулись к нему огороды, а за все дома, которые крестьяне поставили себе из нового леса, он велел заплатить; лес же срубленный—немедленно вернуть помещику. И началось старое мордобитье.

Я видел «дипломатов» из наших крестьян, которые, если бы два месяца назад спросить, за какого Зиновьева они стоят—за губернатора или за председателя Петроградского Совета, предпочли бы губернатора. Потому что тот Зиновьев, видите-ли,—настоящий барин; у него красные лампасы, и хоть дерется, но ручка мягкая. Однако, прошло только несколько недель, и теперь, приглядевшись, стали вопить крестьяне: «Что угодно, только не возврат к старому, что угодно, только не белые!» Так говорят даже зажиточные крестьяне! Помещик отнял у них все сразу!

Помещику не терпится.

У белых есть умные люди. Один князь выступил со статьей в газетах, убеждая помещиков не сразу землю брать назад. «Экие нетерпеливые! Подожди—говорит он—два-три месяца, пока мы сядем хорошенько в седло, а тогда шпоры сумеем дать!» Хорошо поет собака, убедительно поет. Смешно, товарищи, он их уговаривает! Но волка сколько ни корми баснями, он все в лес смотрит. Сколько ни уговаривай помещика, он ждать не может, ему не терпится, руки чешутся. Появилась дикая помещица, ей что ни говори, а она требует: вынь да положь ей усадьбу назад, она и без того долго ждала.

Действительно, как посмотришь вблизи, понимаешь, почему у помещиков к усадьбам такая тяга. Усадьба в Капорье превосходная. В домах усадьбы теперь помещается сотня кре-

стьян, а раньше жил один помещик; превосходные луга, великолепнейшая молочная ферма, есть всякое добро. Как же к этому не стремиться?

Нельзя пускать козла в огород.

Мы не сумели еще всего как следует оборудовать в деревнях для крестьян—это другой вопрос; об этом мы еще поговорим. Я наши беды и нехватки знаю. Но помещик хочет все это целиком получить назад. И уроки наглядные, какие он нам дает, служат лекарством для нас. Не только крестьянин бедняк, не только средняк, но даже часть этих самых крестьян миллионеров (потому что кто имеет матрац с керенками, тот теперь миллионер) начинает понимать, что если эту белую скотину, этого помещика еще раз подпустить близко, если пустить козла в огород, его потом не выгонишь двадцать лет. Он сядет тебе на шею, он заставит воевать за свои интересы, он отнимет все, он разденет до нитки и обставит кругом.

Священная война.

Если, товарищи, среди вас бродит недоумение—зачем война и не хитрят ли большевики, которые были против войны, а теперь за войну, то я должен заявить, что мы никогда не были против войны *с помещиками*. Коммунисты всегда были за войну труда с капиталом;—с тех пор, как родилась наша партия, мы всегда были за войну с барами, помещиками, с буржуями и с капиталистами. Беда только в том, что до последнего времени мы не могли вести эту войну, что нас держали в осадном положении, русского крестьянина били в три кнута при крепостном праве, при царе и при Керенском, его заставляли воевать не против помещиков, а *за* помещиков. Я, поэтому, смело на любом собрании любых крестьян скажу вместе с ними—и я уверен, они поддержат меня всегда:—*долой войну, которую вели и ведут капиталисты из-за*

дележа добычи, но да здравствует священная война, великая война крестьян против помещиков, рабочих против капиталистов, труда против капитала!

Новая удочка.

Товарищи, я знаю: когда удается вышибить противника нашего с этой позиции и он чувствует себя разбитым, когда мы об'ясним, какую войну мы ведем, он перескакивает на другую ногу и, закидывая новую удочку, говорит: да, хорошо, в самом деле, вы землю крестьянам дали; но разве он может всю эту землю обработать? Если бы земля эта что нибудь крестьянину давала, вы были бы правы. А сейчас земля голая, тощая, ее вспахать нечем; ковырять ее пальцем, что ли, большевики прикажут? Лошадей нет, их мобилизуют, излишки хлеба отнимают, в деревню почти ничего не дают, деревня бедна. Деревня во всем нуждается! Гвоздя даже нет! И на эту вторую удочку ловят простаков.

Почему, однако, отощала деревня?

Да, товарищи, смешно было бы скрывать: деревня наша, конечно, сейчас в очень тяжелом положении; действительно, лошадей отбирают; действительно, гвоздя и подковы не найдешь в деревне; действительно, и спички, и керосин, и мануфактуру можно достать с громаднейшим трудом и в ничтожном количестве.

Но надо же разобрать, всегда ли это так будет и почему это сейчас так. Сколько времени стоит у власти рабоче-крестьянское правительство?

И двух лет нет!

А сколько стояли царь, помещики и буржуи у власти?

Триста лет!

Если они триста лет разоряли, продавали Россию, проматывали, жгли ее, как свечку, с двух сторон, если они проку-

чивали ее в карты, если, при помощи тайных договоров, распродавали целые области, если пять лет воевали, если мы получили Россию голодную, разутую, если теперь еще нас заставляют воевать с помещиками,—так, товарищи, и легко, и надо понять, почему мы сейчас разуты и голодны. Такие страны, как Франция и Германия, были во сто раз богаче нас, а они сейчас нищие и в лохмотьях. Они еще голоднее нашей России, там пять лет расхищалось и пускалось все для войны в трубу. Ведь самое землю есть нельзя, ее надо обработать сначала и лишь потом урожай собрать. Но чьими руками?

Скоро Россия преобразится.

Товарищи, когда советская Россия настолько окрепнет, что сможет двинуть в нашу деревню 100 тысяч тракторов, послать туда миллион или еще большее количество новых паровых сеялок, когда наши заводы бросят туда в большом количестве металлы и сельское хозяйство чрез то поднимется на высоту, когда мы все молочные фермы передадим крестьянам, когда город в состоянии будет дать деревне мануфактурные товары, о, тогда крестьянам будет легко, и тогда все захотят стоять за советскую власть.

Но бывает переходное время. Чтобы достигнуть всех этих благ, надо сейчас отсечь руки белогвардейцам. Но пока это не сделано; пока мы не успели даже оглянуться; пока мы даже не подсчитали, что же осталось в нашей голодной России после того, как была разогнана эта стая хищников, после того, как мы прогнали помещиков, которые, как саранча, садились на хлебные места России, пока это не сделано—надо суметь пережить это тяжелое время.

Как же пережить? В пример поставлю красный Питер.

В Питере теперь в столовых выдается на миллион слишком человек общественных обедов. Увы, пока дают очень плохие обеды. И, конечно, рабочим тяжело. Но громадное большинство рабочих говорит: не всегда же в нашем горшке будет

так пусто, не всегда же мы будем хлебать водичку, вместо щей; придет время, когда общественные столовые превратятся в настоящие рабочие социалистические рестораны, где будут кормиться и дети и семьи рабочих так, как это подобает трудящемуся человеку.

Так же следует сказать и крестьянину. Да, сейчас земля часто пустует и тоскует по своему пахарю, она лежит втуне, ее нельзя обработать, работника приходится отрывать от земли. Понятно, что в рабочую пору отрываться крестьянину от своей полосы тяжело. Ему каждую ночь снится родная полоска, он слышит, как зерном наливается колос, ему чудится звон косы по роскошной ниве, он любит свою землю. Не даром он пахарь, и его отцы и деды занимались земледелием. Мы понимаем: тяжело смотреть, когда земля стоит невспаханная, неубранная. Но поверьте и вы, как верят рабочие: не всегда земля будет тосковать о своем пахаре, не всегда полоса будет стоять пустопорожней или несжатой, не всегда будет так мало лошадей. Близко уже время, когда пахарь вернется к своей земле, близко время, когда рабоче-крестьянская власть даст деревне все, что только можно дать. Земля преобразится; урожаи будут лучше, во много раз лучше, чем сейчас, и жизнь расцветет так, что мы ее не узнаем.

Что нашептывает враг крестьянства и что нужно ему отвечать.

Надо только мужественно пережить тяжелое время; честный крестьянин должен же понять, что он страдает и терпит лишения не ради помещика, а ради себя; ради своих детей, — за будущее поколение, за то, чтобы Россия не стала опять постылой, барской Россией, помещичьей, дворянской, за то, чтобы Россия не стала опять злой мачехой для нас, а пребыла бы впредь родной любящей матерью. Вот из-за чего горит борьба сейчас.

И когда в деревню или в казарму приходят шептуны и говорят: землю-то вы получили, а она все равно зря пропадает, — то, мне кажется, из ста крестьян девя-

ности девять должны прогнать такого шептуна и сказать: «Знаем, что поля стоят несжатые, что как земля после засухи ждет дождя, так ждет она теперь, чтобы мы покончили с погаными белогвардейцами, вернули ей здоровые, молодые крестьянские рабочие руки, а они стали бы возделывать каждый аршин отныне нашей, а не помещичьей земли! Мы и без тебя знаем, как тяжело крестьянину, и как голодно ему. Но ты нам лучше расскажи, из-за чего все это происходит? Разве не наша власть в 1917 году предлагала мир всем, выпустила даже на волю генерала Краснова и других генералов? И не вы ли, не помещичьи сынки бросились на нас? Теперь, как стая псов, вы окружили рабочих и крестьян и хотите воспользоваться нашей усталостью, свалить нас с ног и впиться жадными зубами в сердце русского крестьянина. Прочь, шептун и наемник помещиков!»

Да, да, товарищи, гоните в шею всех, кто вам нашептывает слова сомнения. Если бы крестьянину было еще и вдесятеро тяжелее, пусть он говорит твердо и уверенно: «*не отдам землю помещику, удержу ее, во что бы то ни стало! А чтобы удержать землю, буду крепко держать штык в своих руках. И я должен распороть брюхо каждому, кто захочет землю у меня отнять*».

Да здравствует ваш штык, направленный в грудь врагов крестьян и рабочих!

Темные стороны.

Я должен еще остановиться на нескольких больных вопросах красной армии. Нечего скрывать: в нашей красной армии много темных сторон. Как много грязи в наших казармах, как много неуюта, как плохо питание, какое иногда грубое отношение к красноармейцам! Чтобы поговорить об этом, мы и созвали эту конференцию, и для этого военная секция наша, выбранная вами, и получила широкие полномочия от нашего Совета.

На-днях мне прислано письмо от какой то команды, не помню какой, и мне пишут, как там негодяй, именующий

себя комиссаром, заставляет шить себе вне очереди сапоги, а если ему не шьют, то «бьет по морде» и грозит расстрелом. Есть выродки в числе тех людей, которые пытаются примазаться к Советской власти.

Как вам известно, во главе России стоит партия коммунистов. Есть не мало людей среди крестьян, которые большевиков одобряют, а коммунистов осуждают, не соображая, что это одно и то же. Увидели в своем уезде какого-нибудь прохвоста, называющего себя коммунистом—такие попадаются— и говорят: значит, все коммунисты на один лад. Мне недавно передавали, как один уездный «военком»—военный комиссар—в захолустьи отбирал у крестьян лошадей будто бы для государственной надобности, а на самом деле для своих нужд. Бывало, поедет на какую нибудь свадьбу, совершенно пьяный, загонит лошадь так, что она чуть не подыхает, отдаст крестьянину и требует новую, свежую. Есть фрукты и почище. Приезжают в деревню, призывают к себе крестьян и первое, чего требуют: доставить столько то дюжин яиц, начальство приехало! Есть и просто мерзавцы. Приезжали в деревню и иногда требовали — стыдно сказать, но грех утаить—требовали «баб»! Есть, есть и такие.

К позорному столбу!

Но громадное большинство комиссаров—честные и стойкие люди. Они умирают за дело рабочих и крестьян. А с отдельными негодяями справиться сумеем. Их надо пригвождать к позорному столбу; доводить до сведения центральной советской власти; и если не помогло раз, во второй раз делегатов послать. Появилась эта накипь, эта мразь, эти паразиты еще в обстановке, в которой они жили при царе. При царе была не одна сотня жандармов, городовых, кулаков. Разве же они исчезли? Мы их не перебили и не собираемся всех перебить. Они остались, переоделись, перекрасились. Иной выдает себя за коммуниста, а нутро у него старое. И про него приходится сказать: хоть ты и в новой коже, а сердце твое все то же,

как ни называй себя! Он и занимается такими художествами, какими занимался при царе и Керенском.

Подумайте, товарищи, мы должны управлять 200-миллионной страной. И сколько же надо человек для ведения продовольственного дела, военного, народного образования, жилищного вопроса и др. Надо сотни тысяч человек! А где же взять столько хороших? Много есть хороших, но много и дурных. Не сразу разберешь! Вот из-за этих то паршивых овец, которые не прочь испортить все стадо, из-за них пускают дурную славу про всю нашу партию.

Ядро нашей партии.

А кто же, товарищи, составляет ядро нашей партии—партии коммунистов, о которой враги крестьян говорят так много дурного? Сердце нашей партии составляют рабочие и крестьяне, целыми годами, а иногда и десятками лет сидевшие при царе в тюрьмах и на каторге, всю дорогу от Питера до Петропавловска, всю Сибирскую дорогу усеявшие своими костями. Сотни и тысячи их умерли за дело рабочих и крестьян. Коммунисты— это Либкнехт, Люксембург, Володарский, это те многие и многие тысячи товарищей, которые погибли или готовы погибнуть за рабочих и крестьян. А не эти клопы, наливающиеся кровью, когда присосутся и тогда начинают особенно усердно кусать! Да, клопов надо уничтожать. И если в какой нибудь трещине крестьянский ноготь не особенно деликатно раздавит клопа, мы спорить и прекословить не будем.

Против клопов есть несколько средств. Клопа можно уничтожить огнем, скипидаром. Но если у вас в избе завелось много клопов, а вы возьмете и обольете керосином и сожжете всю избу, тогда, товарищи, наш народ назовут «Иванушкой-Дурачком», как того героя, который на свадьбах пел «со святыми упокой», а на похоронах затягивал «ах, вы сени, мои сени!» Надо выжить клопов, но избу надо оставить. А изба наша и есть та партия, которая прогнала царя, которая прогнала помещиков, капиталистов.

Как дурное поправить.

Наша партия есть партия рабочих и крестьян.

Поэтому, если в рабочей партии есть что нибудь дурное, то сами рабочие и крестьяне должны это дурное поправить. В нашу партию открыта дверь каждому честному рабочему и крестьянину. Коммунист должен отличаться от других только тем, что он более дальновиден, способен, более других готов к жертвам.

Товарищи, ничего худого не будет в том, если через месяц большинство из вас войдет в нашу партию, чтобы вместе налаживать дело партии, выкуривать клопов, вместе с нами душить помещиков и буржуев. К этому мы вас призываем.

Представьте себе добрую мать-крестьянку. У ней большая семья, человек десять, и один ребенок запаршивел. Это бывает иногда. Что же сделает добрая крестьянская мать? Что же, она даст из-за этого запаршиветь всем остальным детям или разгонит всех и скажет: вы все паршивцы, уходите от меня! Нет, она поступит по другому. Она возьмет запаршивевшего и станет его лечить, очищать, может быть, положит в больницу и таким образом семью предохранит от заразы.

Так надо и нам поступать. Кто ненадежен, кто из бывших лавочников, из мародеров, кто только всуе называет себя коммунистом, того надо гнать в шею. Мы так и делаем. Мы произвели перерегистрацию и выгнали не одну тысячу «клопов» в Питере и в других городах, мы очистили свою партию и оставили только честных рабочих, красноармейцев и матросов. А кого можно вылечить, мы лечим и не об'являем паршивцами всю рабоче-крестьянскую партию. Помогайте лечить, входите в партию, туда открыты двери всем. Нам надо иметь массовую партию, которая сумела бы довести войну до конца и растоптать всех врагов.

Что такое партия.

Что такое партия? Под партией многие понимают что то замкнутое: дескать, где то вдали, за глухими дверями ютится

что то таинственное, называющее себя партией... И действительно некоторые неразумные коммунисты, которые не понимают коммунизма, поддерживают такое представление; будто бы коммунист какой то помазанник, отмеченный божественным перстом провидения, скрывающийся от народа за семью замками для того, чтобы втайне решать дела.

Ничего подобного! Коммунизм не в этом. Коммунистическая партия—это просто часть рабочих и крестьян, которые прозрели раньше, чем остальные, и сумели сплотиться раньше, чем остальные. На самом деле в душе громадное большинство рабочих и крестьян, часто того не замечая, не сознавая, хотят того же, чего хотим и мы. Необязательно знать на зубок всю программу, хотя, конечно, ее надо читать и изучать. Важно одно, чтобы в вашей душе горела справедливая ненависть к богачу, к капиталисту, к помещику и к буржую, чтобы в вашей душе крепло желание освободить трудящихся всего мира от гнета капитала. Эта простая вещь и называется коммунизмом. Человек, в душе которого горит ненависть к помещику и любовь к труду, такой человек, хотя и не знает программы и не состоит в нашей партии, является коммунистом, и такого человека мы зовем в нашу партию. Такие люди вступают в коммунистическую партию не только у нас, но и во всем мире, и, сплачиваясь, разрушают все преграды на своем пути!

Очистим дом наш.

А то сидят на завалинке, как старые бабы, и чешут языки: Иван Петров коммунист, а—вор, Степан Степанов комиссар, а—прохвост. Зубоскалят, смеются, судачат.

Когда это делают только неграмотные старые бабы, я это понимаю. Но когда за то же самое принимается крестьянская молодежь, которую жизнь уже вытолкнула из тупоумной, мертвящей обстановки и привела в города и научила понимать связь и смысл событий, то это—недостойное поведение. Чего же зубоскалить по поводу того, что Иван Петров вор? Нужно такого вора ставить к стенке. И мы ставим его, не беспокой-

тесь. Чем крупнее должность он возьмет, да окажется вором, тем скорее его расстреляют. Если Степанов называет себя комиссаром, а на самом деле он мародер, давайте его разоблачать. Нельзя ограничиваться судачением и смехом! Выгоняйте из партии Петровых и Степановых, недостойных звания коммунистов! Если у нас сейчас одна швабра, возьмем десять швабр и будем выметать мусор из партии. Очистим дом наш и будем иметь честную, рабоче-крестьянскую семью, вылитую из одного куска и идущую одной сплошной массой с лесом штыков против угнетателей, против помещиков и капиталистов!

Победа близка.

Товарищи, трудное время идет к концу! Два года тому назад на с'езде фронтовиков я говорил: подождите, вспыхнет мировая рабоче-крестьянская революция во всей Европе! Отдельные люди верили этому, а другие улыбались.

Как сейчас, я помню это собрание фронтовиков, обветренных, оборванных людей; от них еще веяло пороховым дымом; и, когда я говорил, они думали: «красно говоришь, да только будет ли это когда нибудь; не сказку-ли ты рассказываешь, не подсахариваешь ли пилюлю, чтобы легче было глотать?»

Что же? Два года прошло. Теперь всякий видит. Во всем мире рабочие и крестьяне восстают, не хотят терпеть свою буржуазию, везде ставят советскую власть. Хоть сейчас многие и ворчат и брюзжат против советов, что, мол, при них плохо, при них осьмушка хлеба да мобилизация, да голодно и прочее. И конечно, есть дурные стороны—я не скрываю. Но почему же во Франции, в Италии, в Германии, во всем мире, где миллионы рабочих и крестьян, более образованных, чем наши (там все грамотные), почему же они на пятом году войны восстают, проливают свою кровь, жертвуют своими лучшими людьми, как Карл Либкнехт? И во имя чего? Чего требуют они? У них восстания, стачки. Чего же они хотят? Свободы торговли? Или подай им Учредилку? Нет, у них у всех одно требование: *власть советов!*

Они знают, что им также придется голодать два—три года, придется воевать со своими помещиками, мобилизовать свою новую красную армию и пройти крестный путь голода, гражданской войны, холода. Но они на это идут. Потому что знают, что нет другой дороги к полной свободе, нет другого пути к полному раскрепощению. И они, завидуя нам, говорят: у вас трудно, но вы скоро отвоюетесь, наверное!

И они правы: отвоюемся! Мы к зиме еще отвоюемся. Колчака мы разбили. Деникина начинаем бить. Самое трудное позади!

А мировая революция была не сказка, который мы тешили кого нибудь, а действительность. Война научила всех; у рабочих и у крестьян пелена спала с глаз. И мировая революция шагает из страны в страну, и мы слышим звук железных сандалий ее из каждой страны.

Каждый день доносятся громы из Италии, Болгарии, Турции, Венгрии, Австрии, Германии, Франции; там рушатся троны, летят короны, там разгоняют учредилки, рабочие восстают, захватывают власть. То в одном, то в другом городе провозглашаются советы. Там и здесь начинают строить красную армию; крестьяне начинают душить своих помещиков,— потому что революцию нельзя делать в белых перчатках. И когда в цивилизованных странах дело дошло до того, что крестьяне берутся за помещиков, мы говорим: значит, восходит солнце, близко время, когда мы все освободимся, когда мы, действительно, сможем навеки покончить с войной, когда красная армия задушит всех наших врагов. Да здравствует красная армия, да здравствует армия труда!

	Цена Р. К
Быстрянскій. «Империалистическая Англия против социалистической России»	— 40
Его-же. «Рабоче-крестьянская революция в России в оценке буржуазной публицистики»	2 —
Вандервельде. «Социализм и искусство»	— 90
Ватин. «Что такое коммуна?»	— 20
Вейтлинг. «Человечество, каково оно есть и каким должно быть»	— 85
Величкина, В. «Борец за свободу Вильгельм Вейтлинг»	1 —
«Венок коммунаров». Сборн. памяти В. Володарского, с рисунками	4 —
Войнич, В. «Овод». Роман. Пер. с английского З. Венгеровой	4 50
В-ин, Л. «Уголок немецкой оккупации»	— 50
Володарский, В. «Напутственная речь агитаторам». 3-е издание	— 50
Его-же. «Речи»	— —
Волховский. «Сказание о царе Симеоне»	1 25
Гайк-Ад-янц. «Крестьянский вопрос во Франции»	— 55
Гауптман. «Ткачи». Драма	3 —
Геккель, Э. «Происхождение человека»	3 —
Геррон, Г. «От революции к революции»	1 20
Горичев. «Таблица исчисления заработной платы от 150 до 1.000 р. при 6 и 8 час. рабочем дне»	5 —
Горлов, Н. «Темные силы, война и погромы»	— 40
Его-же. «Враги-ли евреи рабочим и крестьянам». Разошлось. Печат. 2-е изд.	— 64
Его-же. «Евреи, классовая борьба и погромы»	— —
Горький, Максим. «Макар Чудра». С иллюстр.	1 50
Его-же. «Челкаш»	1 50
Его-же. «Двадцать шесть и одна»	1 50
Его-же. «Дед Архип и Ленька»	1 10
Его же. «Емельян Пиляй»	1 20
Его-же. «Дело с застежками»	— 80
Его-же. «На плотах»	1 30
Его-же. «Мальва»	1 80
Его-же. «Коновалов»	2 60
Его-же. «Тюрьма»	2 25
Его-же. «Проходимец»	2 —
Его-же. «Скуки ради»	1 40
Его-же. «Васька Красный»	1 40
Его-же. «Кирилка»	1 30
Его-же. «О евреях»	1 10
Его-же. «Как я учился»	— 90
Его-же. «Мое обращение»	— 10
Его-же. «Вездесущее»	— 75
Гра, Ф. «Марсельцы»	7 —
Грейлих, Г. «Буржуазная революция и освободительная борьба рабочего класса»	1 40
Гусев. «Теория пролетариата» (научный социализм)	1 20
Гюи де-Монасан. «Два приятеля»	— 75
Декав. «Фленго». Рассказ из времен коммуны 1871 г.	— 25

	Цена. Р.	К.
Лилина, З. «Что дала революция народу»	—	35
Литературный сборник, посвященный памяти Г. В. Плеханова	3	45
Логинов. «На страже». Стихотворения. Сатиры	1	80
Его-же. «Накануне». Стихотворения	—	—
Лидеман, Г. «Коммунальная политика социализма»	1	40
Лукин, Н. «Церковь и государство»	—	50
Луначарский, А., и Зиновьев, Г. «К. Маркс и социальная революция». Разошлось. Печатается 2-е издание	—	65
Луначарский, А. «Комедии». 2-е издание	2	60
Его-же. «Карл Маркс». Ко дню 100-летия со дня рождения	—	50
Его-же. «Королевский брадобрей» (Власть). Пьеса	—	—
Его-же. «Первый пророк и мученик революции Радищев»	1	20
Лурье, М. (Ю. Ларин). «Суд над К. Либкнехтом»	—	45
Его-же. «Крестьяне и рабочие в русской революции»	—	40
Его-же. «Состав пролетариата». 2-е издание	—	65
Майская, Татьяна. «Полустанки»	3	50
Маркс, К. «Либералы у власти»	2	—
Его-же. «Наемный труд и капитал»	1	80
Его-же. «Заработная плата, цена и прибыль»	—	85
Его-же. «К еврейскому вопросу»	3	75
Его-же. «Речь о свободе торговли»	1	50
Его-же. «Классовая борьба во Франции 48 г.»	7	50
Его-же. «Кельнский процесс коммунистов»	7	—
Его-же. Критика Готской программы»	1	80
Маркс, К., и Энгельс, Ф. «О коммунизме»	1	40
Их-же. «Манифест коммунистической партии»	1	40
Мархлевский. «Что такое политическая экономия?»	1	10
Меринг, Фр., и Лафарг, П. «Фридрих Энгельс»	1	40
Мещеряков, В. «Деревенская беднота и путь к социализму»	—	40
Мирбо. «Жан и Мадлена». Драма	1	50
Моррис, В. «Вести ниоткуда». Утопия	4	50
Мор, Т. «Утопия»	7	20
Муйжель. «Бабья жизнь»	3	50
Его-же. «Старый камора»	2	—
Его-же. «Дача»	4	—
Его-же. «Проклятие»	3	—
Его-же. «Дом на площади»	3	30
«Наш рабочий праздник 1 мая»	—	20
Немирович-Данченко. «Вся чужая»	2	75
Новорусский, М. «Грибы»	4	50
Олар. «Политическая история французской революции»	24	—
«Памяти К. Маркса». Сборник статей. 2-е издание	4	50
«Памяти К. Либкнехта и Розы Люксембург». Сборник статей	5	50
Первый социалистический советский настольный календарь	20	—
Петрович. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»	—	50
Пименова. «История интернационала».	—	—
Ее-же. «Как немцы боролись за свою гражданскую свободу»	4	50
Ее-же. «Вильгельм II».	3	—

	Цена. Р. К.
Плеханов, Г. «Речь о Белинском»	1 80
Программа Российской коммунистической партии	1 50
Равич, С. «Что такое республика советов»	— 75
Радек. «Анархисты и Советская власть»	— 12
Раковский. «Социалисты и война»	1 —
Рионов, Ник. «Как совершать записи рождений, брака, развода, внебрачных детей и установление отцовства у народных нотариусов»	— 75
Ромэн, Роллан. «Жан Кристоф». «Заря», т. I	4 —
» » «Утро», т. II	7 50
» » «Юность», т. III	— —
» » «Бунт», т. IV	— —
» » «Ярмарка на площади», т. V	5 20
» » «Сердце Франции», т. VII	2 25
» » «Неопалимая купина», т. IX	12 —
» » «В стороне от схватки»	5 20
Рубакин. «Вода на земле, под землей и над землей». С многочисленными иллюстрациями	3 —
Его-же. «Приключения в стране рабства». С многочисленными иллюстрациями	5 50
Его-же. «Дедушка время». Новогодняя сказка	3 —
Его-же. «Что такое кометы»	3 50
Его-же. «Как и когда разные народы научились говорить каждый на своем языке»	2 —
Его-же. «Рассказы о делах в царстве животных»	6 —
Его-же. «Среди тайн и чудес»	9 —
Его-же. «Подземный огонь»	6 60
Его-же. «Как, когда и почему появились люди»	4 —
Его-же. «Рассказы о великих и грозных явлениях природы»	4 —
Рязанов, Д. «Две правды». Марксизм и народничество. Разошлось. Печатается 2-е издание	— 90
Его-же. «Обуховское дело». Разошлось. Печатается 2-е издание	— 70
Его-же. «19 февраля». Разошлось. Печатается 2-е издание	— 75
Его-же. «К. Маркс и русские люди 40-х годов»	1 80
Его-же. «Г. В. Плеханов и группа Освобождение труда»	— 90
Его-же. «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса»	3 75
«Советская Россия и народы мира». С предисловием Максима Горького	5 —
Самойлова. «Современная безработица и борьба с нею»	1 10
Ее-же. «Продовольственный вопрос и Советская власть»	— 90
Ее-же. «Что дала рабочим и крестьянам Великая Октябрьская революция»: 1-е издание	— 50
2-е издание	1 20
Сборник декретов и постановлений, касающихся коммун северной области. За 2 тома в папке	100 —
Сборник инструкций, положений и правил по организации Сельскохозяйственных коммун	— 20
Срединский, С. «Основы газетного дела»	2 30
Стеклов, Ю. «Черная сотня во Франции». Разошлось. Печатается 2-е изд.	1 20
Его-же. «Революция 1848 г. во Франции»	2 —

75 к.

	Цена. Р. К.
Стеклов. Ю. «Прудон»	— 80
Его-же. «Поль Лафарг». 2-е издание	— 55
Его-же. «Новейшее течение во французском антисемитизме»	1 —
Его-же. «Интернационал», ч. I.	4 80
Его-же. «Интернационал», ч. II.	2 25
Степанов. «Жан-Поль Марат»	— 40
Его-же. «Твердые цены на хлеб»	— 10
Его-же. «Кто богатеет и кто разоряется»	— 35
Стринберг, А. «Муки совести»	— 70
Стогов, М. «Кому нужны погромы»	— 80
Струмилин. «Богатство и труд» (попул.-научн. очерк)	2 10
Троцкий. «Труд, дисциплина и порядок»	— 30
Его же. «Слово к рабочим и крестьянам»	— 45
Его-же. «Советская власть и международный империализм»	— 25
Тун, А. «История револ. движения в России»	4 80
Тюрлан. «Парижская коммуна»	2 —
Финн-Енотаевский. «Экономическая система Карла Маркса»	4 —
Ходоровский. «Памяти коммуниста на фронте»	— 20
«Цена крови»	— 40
Цеткин, К. «Борьба за свободу и мир в России»	— 12
Ее-же. «Женский вопрос, интелл. пролетар. и социал.»	— 70
Ее-же. «За большевиков»	— 45
* * * «Мировая война». С предисловием Г. Зиновьева	1 10
Чикколини, С. В. «Происхождение современной войны»	— 25
Чуковский, К. «Крокодил». С рисунками художника Ре-ми	10 50
Его-же. «Уот Уитмэн». Поэзия грядущей демократии	6 —
«Шлиссельбург и его мученики». С иллюстрациями	— —
Шмидт, П. «Загадки жизни»	15 —
Шульц, Г. «Пролетариат и знание»	— 65
Эйснер. «В. Либкнехт, его жизнь и деятельность»	1 30
Энгельс, Ф. «Философия, полит. экономия и социализм» (Анти-Дюринг)	11 60
Его-же. «Из истории развития социализма»	1 40
Его-же. «Людвиг Фейербах»	2 50
Его-же. «Статьи 1871—75 гг.»	5 50
Яновский. «Таблицы для перевода русских мер в международные метрические и обратно»	3 50
Ясинский. «Воскреснувшие сны». Стихи	1 50

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА.

Ашешов, Ник. «А. Н. Радищев, первый русский республиканец».	
Его-же. «Андрей Иванович Желябов». Материалы для биографии и характеристики.	12 50

Цена 2 р. 75 к.

Первая Государственная Типография. Гатчинская, 26